

Булгарина и О. И. Сенковского. Более того, их деятельность иногда подвергалась критике на страницах «ЖМНП». Это еще раз доказывает, что Н. И. Греч, Ф. В. Булгарин и О. И. Сенковский не входили в команду С. С. Уварова и их нельзя считать теоретиками официальной народности.

Задумав издание «Москвитянина», М. П. Погодин и С. П. Шевырев получили от С. С. Уварова серьезную поддержку. «Вы можете быть уверены в моем содействии более нежели официальном: в моем душевном участии и в моей готовности споспешествовать изданию журнала, соответствующего положению умов и видам правительства», — писал С. С. Уваров М. П. Погодину¹¹. Когда вышел первый номер «Москвитянина», М. П. Погодин попросил С. С. Уварова представить журнал императору. Выполняя эту просьбу, С. С. Уваров «счел долгом» обратить особое внимание Николая I на две статьи: «Петр Великий» и «Взгляд русского на образование Европы». Первая принадлежала М. П. Погодину, вторая — С. П. Шевыреву. Примечательно, что С. С. Уваров обратил внимание императора именно на эти статьи, написанные в духе православия, самодержавия, народности и носившие явно программный характер. О самом же «Москвитянине» он писал: «Желательно, чтобы это новое периодическое издание, продолжая идти стезею благородного направления, могло некоторым образом служить и образцом для русской журналистики, к сожалению, столь мало соответствующей доселе собственной цели и общей пользе»¹². Эти слова С. С. Уварова свидетельствуют о том, что он достаточно высоко оценивал деятельность М. П. Погодина и С. П. Шевырева, возлагал на них большие надежды.

Таким образом, главными теоретиками официальной народности, помимо С. С. Уварова, следует считать М. П. Погодина и С. П. Шевырева. Теория официальной народности возникла, развивалась и пропагандировалась благодаря их научной, литературной и издательской деятельности. М. П. Погодин и С. П. Шевырев выражали взгляды одного из течений общественно-политической мысли России второй четверти XIX в. Именно среди их друзей и единомышленников нужно искать и других сторонников этой теории. Н. И. Греч, Ф. В. Булгарин и О. И. Сенковский, несмотря на активную поддержку существовавшего строя, к созданию и развитию теории официальной народности не имели прямого отношения. Поэтому их взгляды никак нельзя отождествлять непосредственно с теорией официальной народности.

¹ РО ГВЛ. Ф. 231/1, к. 30, д. 1, л. 179; См. также: Барсуков Н. Жизнь и труды М. П. Погодина. СПб., 1888. Кн. 1. С. 152—153.

² Погодин М. Воспоминание о Степане Петровиче Шевыреве. СПб., 1869. С. 15, 21.

³ Никитенко А. В. Записки и дневник (1804—1877). СПб., 1905. Т. 1. С. 267.

⁴ Цит. по: Барсуков Н. Указ. соч. СПб., 1889. Кн. 2. С. 9.

⁵ Там же. СПб., 1891. Кн. 4. С. 78—79.

⁶ Там же. С. 87.

⁷ Сборник постановлений по министерству народного просвещения. СПб., 1875. Т. 2. С. 511.

⁸ См.: Погодин М. П. Историко-критические отрывки. М., 1846. С. 1 и далее.

⁹ См.: Качалов И. Л. // Весн. Белорус. ун-та. Сер. 3. 1991. № 3. С. 15.

¹⁰ См.: Биографический словарь профессоров и преподавателей императорского Московского университета. СПб., 1855. Ч. 2. С. 613.

¹¹ Русский архив. 1871. Т. 2. С. 2081.

¹² РО ГВЛ. Ф. 213/2, к. 34, д. 4, л. 4—5; См. также: Барсуков Н. Указ. соч. СПб., 1892. Кн. 6. С. 22—23.

Л. М. ШНЕЕРСОН

СИТУАЦИЯ В ЮЖНОЙ ГЕРМАНИИ НАКАНУНЕ ФРАНКО-ПРУССКОЙ ВОЙНЫ 1870—1871 ГГ. В ОЦЕНКЕ ФРАНЦУЗСКИХ ДИПЛОМАТОВ

С начала 1870 г. обстановка на юге Германии приобретала все более сложный и противоречивый характер в связи с нарастанием реальной угрозы войны между Пруссией и актуализацией на этом фоне проблемы объединения Германии. Активизировалась сепаратистская оппозиция прус-

ским планам объединения в лице большей части дворянства, чиновничества, династических кругов и руководства католической церкви, обеспокоенных судьбой своих социальных и политических привилегий в случае централизации страны. Антипруссские настроения преобладали и в среде мелкобуржуазной демократии, проповедовавшей объединение Германии на федералистской основе.

К началу 1870 г. назрел политический кризис в Баварии. Под ударом антипруссских сил пошатнулось правительство Гогенлоэ, выступавшее за установление связи южногерманских государств с Северогерманским союзом в форме «союза государств» с сохранением южными государствами значительной автономии и, прежде всего, самостоятельности во внешней политике.

Выборы в баварский ландтаг в ноябре 1869 г. принесли успех консерваторам¹. Исход выборов и общая ситуация в стране побудили правительство Гогенлоэ подать коллективное прошение об отставке. Но король категорически заявил Гогенлоэ, что решил не отказываться от его услуг в современных условиях (26, № 7803).

Французский посол Бенедетти в это время сообщал из Берлина, что результаты баварских выборов произвели здесь тяжелое впечатление, хотя, не считая отставку Гогенлоэ неизбежной, министерство иностранных дел и официальная пресса комментирует их очень осторожно (26, № 7793).

Сильную озабоченность правительств и общественных кругов Южной Германии вызвала тронная речь баварского короля в парламенте 17 января 1870 г. В этой речи, сообщил французский посланник Кадор, «король выразил свои взгляды относительно будущего Германии несколько неопределенно, в противоположность четкости его прошлых заявлений. Сказав, что не даст никогда своего согласия на создание Германии, способной нанести ущерб независимости Баварии, он вместе с тем заявил, что восстановление национальной связи между германскими государствами является предметом их желаний и надежд. Речь была воспринята с удовлетворением прогрессистами, — продолжает Кадор, — которые опасались более резкой и энергичной манифестации баварского национального духа, и в то же время произвела небольшой эффект в среде консерваторов, увидевших в ней лишь подтверждение политики, которой правительство следовало до настоящего времени» (26, № 7878).

Гогенлоэ заявил Кадору, будто король имел в виду его (Гогенлоэ) идею «союза государств» в духе, предусмотренном 4-й статьей Пражского мира. Но баварский премьер тут же оговорился, что политика Пруссии в настоящий момент не позволяет надеяться на результат, соответствующий интересам Баварии, и у нее остается только один выход — придерживаться статус-кво, как ни печально положение государств Юга, определенное договорами с Пруссией (26, № 7885).

Кадор, кстати, был невысокого мнения о степени продуманности политики Гогенлоэ. Он писал по этому поводу, что у Гогенлоэ вообще отсутствует какой-либо план и принципы. «Кажется, он имеет только одну цель: сохранить власть, и это соображение у него доминирует над всеми другими» (26, № 7753).

Похожим образом прокомментировал эту речь и французский посланник в Вюртемберге граф Сен-Валье. «Выражая хорошо известные идеи князя Гогенлоэ, — писал он, — эта речь, кажется, имеет целью в равной степени не ущемить обе партии, представленные в палате» (26, № 7885).

Ход политических прений в баварском парламенте выявил нарастающее недовольство политикой Гогенлоэ. Хотя король несколько раз демонстративно заявлял, что решения палаты для него не указ, ибо Бавария не парламентская монархия, ему пришлось считаться с этим и принять в конце концов отставку Гогенлоэ, возобновившего свою просьбу 14 февраля 1870 г. Французский министр иностранных дел Дарю в своем письме послу Бенедетти в этой связи с удовлетворением отмечал, что «в самом значительном государстве южной Германии партия, представляющая автономистские тенденции, программа которой предполагает, в первую очередь, сопротивление унитарным доктринам, добилась заметного превосходства. Завоеванное ею влияние может существенно изменить направление политики мюнхенского кабинета, которой он следует после событий 1866 года» (26, № 7935).

Новый кабинет возглавил граф Брей. Французский поверенный в делах в Мюнхене Тибу, сообщая об этом, писал, что, по единодушному мнению,

это человек умеренный, расположенный к примирению, его предпочтением пользуется партия патриотов, однако полагают, что он не будет стараться придать баварской политике какое-то строго определенное направление, а, скорее, будет стараться руководствоваться обстоятельствами и следовать движению мнения» (27, № 8000).

В своей программной речи в верхней палате ландтага Брей заявил, что договоры, заключенные с Пруссией, образуют базу отношений между Севером и Югом, но, в отличие от Гогенлоз, он поставил на этом точку и воздержался от всяких намеков на поиски каких-либо новых связей с Северогерманским союзом. «Мы останемся верны договорам с Пруссией, — сказал он, — но мы заинтересованы в статус-кво и не намерены выходить из него» (27, № 8015).

Хотя Берлин прямых заявлений по этому поводу не делал, о его позиции было легко догадаться по утверждениям официальной берлинской прессы, что прусский король, принимая в случае войны верховное командование союзными войсками, становится единственной или, по крайней мере, последней инстанцией, решающей вопрос об обязательствах сторон в этой войне (26, № 7930). Было ясно, что прусский кабинет не намерен идти ни на какие уступки в отношении договоров, сроки действия которых истекали, кстати, в 1871 г. Правительства Юга знают, как сообщал из Штутгарта Сен-Валье, «что Пруссия располагает оружием, которое угрожает им как домоклов меч — денонсация Таможенного союза. Каждый раз, когда по ту сторону Майна раздаются голоса недовольства договорами, официальные органы Бисмарка спешат заявить, что Таможенный союз — это, якобы, другая сторона договоров и отказ от них немедленно повлечет разрыв таможенного соглашения» (26, № 7940).

Негативное впечатление произвела в Париже тронная речь прусского короля на открытии сессии Северогерманского рейхстага 14 февраля. При встрече с прусским послом Вертером Дарю высказал недовольство той частью речи, где прусский монарх коснулся отношений Северогерманского союза и южногерманских государств. «Мы были, — сказал он, — особенно поражены тоном короля относительно 4-й статьи Пражского договора... Его величество упустил добавить, что эта статья оговаривает для южных государств независимое международное положение и это, конечно, придает его словам значение, мало соответствующее духу соглашений 1866 года» (26, № 7953). Независимость южно-германских государств, добавил французский министр, является в настоящий момент гарантией европейского равновесия.

Не очень успокоило французских политиков и последовавшее через несколько дней выступление в рейхстаге Бисмарка, высказавшегося против удовлетворения просьбы Бадена о присоединении к Северогерманскому союзу, поскольку, по словам канцлера, наступит день, когда он не поколеблется присоединить все южногерманские государства к федеральному (или унитарному) центру. Однако от официальных протестов французское правительство воздерживалось. «Мы должны соблюдать большую осторожность во всем, что касается германских дел, — инструктировал Дарю посла в Берлине. — Крайне важно не давать берлинскому кабинету нашими демаршами или словами никаких предлогов для возбуждения национальных чувств» (27, № 7997).

Бюртембергский король, когда Сен-Валье проинформировал его о разрыве Дарю с Вертером, выразил удовлетворение позицией Франции в германском вопросе. Ему бы очень хотелось избежать повторения ситуации 1866 г.: тогда великие державы сыграли роль «сообщников Пруссии... Говоря, великие державы, — пояснил он, — я имею в виду только две: Францию и Россию. Первая пересмотрит, я надеюсь, свое заблуждение 1866 года, что касается императора Александра, я лишь себя надеждой, может быть, напрасной, что состояние балтийских провинций откроет ему глаза на единственную внешнюю опасность, которая ему угрожает» (26, № 7985).

Надо отметить, что Оливье, глава французского правительства с января 1870 г., бывший республиканец, выступавший с пацифистскими декларациями, счел необходимым отмежеваться от заявления Дарю Вертеру, объяснив его в интервью газете «Кольнише Цайтунг» выражением личной точки зрения министра, а не правительства (27, при. к № 8013). Он расценил даже такое, сделанное с оговорками, заявление как угрожающий демарш. На

этом фоне лишенной логики представляется замена французским правительством Дарю на посту министра иностранных дел герцогом Грамоном, известным своими тесными связями с наиболее воинствующим крылом бонапартистов. Таковы были гримасы кризиса, переживаемого Второй империей.

В связи с намеченной на 21 апреля созывом сессии Таможенного парламента внимание французской дипломатии привлекли отклики баварской прессы на это событие, ее оценки роли союза в германских делах. Тибу сообщил из Мюнхена, что одна из наиболее влиятельных местных газет с удовлетворением выразила убеждение, что это учреждение не только не оправдало прусских политических расчетов, но, скорее, стало препятствием для экспансии Пруссии, действия которой оно направляет в строго определенные пределы. Даже в своей узко специальной области Таможенный союз не раз оказывал, пишет газета, сопротивление финансовым комбинациям Бисмарка (27, № 8090).

Беспокойство вызвали сведения о планах Берлина присвоить прусскому королю вместо звания президента Северогерманского союза титул императора. Однако в Мюнхене и Штутгарте отрицали факт предъявления им подобных претензий и заверили, что если бы подобные проекты существовали, они, вне всякого сомнения, были бы отклонены. Берлинский кабинет слишком опытен, высказывал свое мнение французский посланник в Мюнхене, и хорошо осведомлен о состоянии умов на Юге, «чтобы рисковать предложениями, способными усилить возбуждение страны, толкнуть колеблющееся правительство баварского короля в объятия противников Пруссии» (27, № 8216). Отрицали этот факт и в Берлине (27, № 8158).

Много предположений возникло в связи с поездкой принца Гессенского в Берлин в 20-х числах апреля. Бенедетти было направлено указание выяснить цели этой поездки. Гессенский посланник в Берлине Гофман, с которым Бенедетти встретился 19 апреля, признал, что раздвоенность Гессена, северная часть которого (по ту сторону Майна) входила в Северогерманский союз, ставит его в весьма трудное положение, которое не может продолжаться бесконечно. Но настоящий визит его монарха в Пруссию, заверил он, не имеет ничего общего с этой проблемой, а является актом чистой вежливости. В Дармштадте предпочитают терпеть существующее положение так долго, как позволят обстоятельства, сказал он. Попутно он высказал мнение, сложившееся у него как члена Союзного совета, что и Бисмарк больше склонен сейчас к консолидации конфедерации такой, как она есть, чем к расширению ее пределов. Канцлер, как ему кажется, полагает, что присоединение южной Германии обеспечит второстепенным государствам и либеральной партии в парламенте влияние, которое нейтрализует решающий голос Пруссии. Предвидя это, «он считает предпочтительнее не спешить с такой возможностью, по крайней мере, до возникновения обстоятельств, которые позволят совершить это, сохраняя высшую и абсолютную власть, приобретенную Пруссией» (27, № 8092).

Но в то же время французский посланник в Дармштадте был убежден, что Гессен под угрозой Пруссии аннексировать его верхний Гессен (часть, входящую в Северогерманский союз), конечно, вступит в Северогерманский союз (27, № 8097).

Южногерманские государства ослабляло наличие между ними, особенно между Баварией и Вюртембергом, взаимной подозрительности и недоверия. Апрельский визит баварского премьера Брея в Вюртемберг возбудил в Париже надежды на сплочение этих крупнейших государств Юга. Тем более, что баварский премьер выразил удовлетворение результатами своего визита в Штутгарт. Он проинформировал французского посланника, будто вюртембергский король выразил полное согласие с программой, изложенной им, Брейем, в верхней палате. По другой информации, в Штутгарте речь шла о согласовании шагов, которые оба правительства намерены предпринять по отношению к Северогерманскому союзу в связи с предстоящим заключением с ним, договоров, аналогичных уже подписанному Баденом (27, № 8038).

Однако французская дипломатия допустила грубые просчеты, которые Пруссия умело использовала, чтобы вынудить правительство Наполеона III взять на себя инициативу военной развязки в июле 1870 г. А это позволило Бисмарку придать войне в глазах немцев национальный характер, что

заглушило оппозицию государств Южной Германии и предрешило их вступление в войну на стороне Пруссии.

¹ Les Origines diplomatiques de la guerre de 1870/71. Recueil de documents publiés par le ministère des affaires étrangères. Paris, 1932. Т. 26. № 7793. Дальнейшие ссылки даются в тексте статьи. В скобках указан том и номер документа публикации.

Г. В. ВАСЮК

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ И КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ ОБСТАНОВКА В РЕЧИ ПОСПОЛИТОЙ В 80—90-е гг. XVI в.

Конец XVI в. — один из важнейших периодов в социально-экономическом, политическом и духовном развитии Речи Посполитой.

В социально-экономической области наряду с ростом городов, зарождением капиталистического уклада усиливалось развитие фольварочно-барщинного хозяйства, росла феодальная эксплуатация крестьянства.

В политической области в это время более четко определилась наметившаяся после Люблинской унии тенденция к ослаблению центральной государственной власти и росту феодального партикуляризма. Власть в государстве постепенно переходит в руки крупных магнатов, имевших огромные латифундии на территории Великого княжества Литовского. Рост влияния крупной знати вносит элементы анархии в политический строй страны ¹. Этому способствовало и возрастание роли повятовых сеймиков шляхты, особенно реляционных, ведущих к падению роли вального сейма. Кроме того, с 1589 г. либерум вето было признано обязательным условием принятия сеймовых постановлений ².

В развитии духовной культуры конец XVI в. — это период позднего Возрождения, контрреформации и барокко. В сознании шляхты, господствующего сословия тогдашней Речи Посполитой, мощь и процветание государства все более связывается с католической церковью. Как следствие этого усиливается религиозная нетерпимость, которая углубляет раскол среди ведущих конфессий Речи Посполитой.

Католическая церковь к концу XVI в. прошла большой путь внутренних изменений и подтвердила свое главенствующее положение среди других конфессий. Уже в 70-е гг. окончательно ушла в прошлое идея национальной церкви с попыткой выборов духовенства шляхтой и передачи высшей церковной власти в государстве от папы королю, а также ликвидации celibата духовенства и причащения мирян хлебом и вином ³. В 1577 г. Петровский синод признал постановления Тридентского собора обязательными для католической церкви Речи Посполитой. В соответствии с ним был проведен ряд реформ, укрепивших церковную дисциплину и способствовавших росту интеллектуального уровня католического духовенства. Так, в конце XVI в. среди высшей католической иерархии 21% составляли священнослужители с высшим образованием. Ни до, ни после данного периода такого большого количества высокообразованных священников здесь не было. В середине XVI в. этот показатель был в несколько раз меньше.

К концу XVI в., пользуясь падением роли центра, католическая церковь еще более усилила свои позиции в государстве. Польский король и великий князь Литовский по традиции оставался католиком, католические епископы занимали ведущие места в сенате. Возросло представительство католической знати в высших органах государственной власти. В периоды бескорольевья примас выступал в качестве интеррекса. В Великом княжестве Литовском важнейшее место в органах государственного управления по традиции занимал виленский епископ ⁴.

Реформация не смогла подорвать экономическую мощь католической церкви. В очень ограниченных размерах была проведена секуляризация владений католического духовенства. Они в целом оставались довольно большими, особенно на территории Короны. Однако здесь имела место дифференциация церковных владений по воеводствам. Так, в Люблинском воеводстве духовенство имело 7% от общего числа деревень, тогда как в